

Игумен
Нектарий
(Морозов)

С надеждой на Встречу

игумен Нектарий Морозов

С надеждой на Встречу

«Издательство Сретенского Монастыря»

2015

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

Морозов и.

С надеждой на Встречу / и. Морозов — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2015

ISBN 978-5-7533-1011-8

Сборник эссе игумена Нектария (Морозова) – плод нескольких лет его публицистической деятельности на порталах «Православие. ru» и «Православие и мир». В повседневных моментах жизни автор открывает для себя свидетельства близости и милости Божией, размышляет о возникающих внутренних вопросах, извлекает небольшие, но очень важные духовные уроки. Наблюдения, мысли, житейские истории – всё это о главном: о родстве человека с Богом, о преодолении препятствий на пути к Нему, о повседневном внутреннем труде над собой.

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-7533-1011-8

© Морозов и., 2015
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2015

Содержание

Основа спасения	6
Расстояние между нами и Богом	8
Встреча с Богом	9
Детская радость Рождества	11
Словно младенец на руках у Младенца	13
С надеждой на Встречу	15
Место встречи – Крест	17
Источник жизни вечной и нестареющей	19
Одно из имен Его – Утешитель	21
Будет счастье	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игумен Нектарий (Морозов) С надеждой на Встречу

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р15-502-0089

© Нектарий (Морозов), игум., 2015

© Сретенский монастырь, 2015

Основа спасения

Встреча человека с Богом – всегда таинство, удивительное и непостижимое. Это главная встреча в жизни, и от того, состоялась ли она, точнее, заметил ли ее человек, зависит все – и самая жизнь эта, земная, и в еще большей степени – жизнь будущая.

Все Евангелие наполнено картинками, примерами таких встреч – и радостных, спасительных, как для плачущей у ног Христа блудницы или пришедшей к колодцу самарянки, и бедственных, губельных, как для тех книжников и фарисеев, сердца которых разрывались от злобы и зависти, когда они слышали обличающий их глас Спасителя.

Но точно так же открыты подобные примеры и картины нашему взору и сегодня. Особенно – взору внимательного, любящего свою паству священника. Ему постоянно приходится это видеть: как обретает Бога человек, как зарождается в нем новая, христианская жизнь, такая светлая, такая необычная. Но случается нередко видеть и другое: как эта жизнь постепенно угасает и как отходит человек не только и не столько в действительности от Церкви, сколько от Того, Кто его туда привел, Кто есть Самое главное в ней. От чего это зависит – движение «к» и движение «от», приближение и удаление? Можно вновь сказать, что это таинство, что причины этого движения заключены в сердце человека, глубоко сокровенны в нем. И это правда. Но... Не зная тайн чужого сердца, разве не должны мы знать тайны сердца собственного? Разве могут быть они сокрыты и от нас?

Из опыта своего – и священнического, и «просто человеческого» – скажу... Мне кажется, что всем нам – верующим, церковным людям – очень важно взглянуться в себя и понять: как, с чем, почему пришли и приходим к Богу лично мы, чего ищем, чего просим у Него? И мы слышали о Его дивных чудесах, совершающихся в Его же Церкви, и наши глаза видели, хотя бы отчасти, хотя бы в самой малой мере, эти чудеса – порой и в нашей собственной жизни. Наши измученные души вблизи Его отогреваются, обретают отраду, успокоение, у Него находим мы убежище от жестокости мира, от его грязи, подлости, от его растления. У Него находим помощь в наших многочисленных нуждах, утешение в скорбях.

Но вот наступает в жизни каждого из нас такой момент (а правильное сказать, такие моменты повторяются многократно или порой просто безостановочно сменяют друг друга), когда становится очевидно: как Господь восходил в Иерусалим, идя навстречу Своим страданиям (см.: Мк 10, 32–34), так и нам надо пойти за Ним и вместе с Ним пострадать, доказать свою верность Ему. Пострадать в борьбе со своими страстями, привязанностями, любовью к земному благополучию. Пострадать от восстающих на нас людей. Мы вдруг видим, что хотя по младенчеству нашему Господь и покоит, и утешает нас, путь к покою истинному лежит через многие скорби, величие Царства достигается через смирение и уничтожение себя, слава – через то, чтобы считать себя последним. Видим, что для того чтобы вкусить вечное блаженство, необходимо прежде испить горчайшую чашу бедствий земного жития.

И часто оказывается, что наши души, умы пригвождены к земле, и мы не возбуждаемся любовью к благам грядущим. И потому мы отступаем от Христа, слово Которого начинает казаться жестоким, и принимаемся лихорадочно искать другого уже утешения – того, что обретается в каких-то мелких, суетных, часто греховных удовольствиях этого мира. Так происходит движение «от». Нет, это еще не совершенное отпадение, не отречение, подобное отречению Иуды. Но далеко ли до того – кто скажет? Ведь и он отпал не в заурядных обстоятельствах, а когда услышал: *будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие* (Мф 26, 2). А что, если мы услышим подобное сему?

Я знаю, что ответить на этот вопрос «теоретически» нельзя, но значит ли это, что не надо его себе задавать? Что все же оказывается здесь определяющим, главным, что может хотя бы косвенно предугадать наш ответ?

Я думаю, как раз это – чего мы ищем у Бога и почему приходим к Нему.

Если ищем благополучия земного, то легко можем отпасть, лишившись его.

Если ищем благ духовных, то и это делает нашу верность Христу иллюзорной: слишком часто каждому из нас приходится испытывать оскудение в себе духовных переживаний и чувств, ощущать свое бесплодие и никчемность, холодность и опустошенность, и этого не избежать никак.

Но если ищем Самого Бога и приходим к Нему просто потому, что хотим быть с Ним, если Он для нас дороже, чем все, что мы могли бы от Него получить, то есть надежда на то, что окажемся в испытании верными, не отпадем, не отойдем, не обратимся вспять.

Этого отношения к Богу надо искать, о даровании его надо просить. Оно и есть – единственная незыблемая основа жизни с Богом и спасения.

Расстояние между нами и Богом

Каково расстояние между нами и Богом? Не между нашей греховностью и испорченностью и Его святостью и совершенством. Не между нашей ограниченностью и ничтожеством и Его величием и всемогуществом. Не между нашим неразумием и Его премудростью. Нет. Между нами и Им – какое расстояние, его как измерить?

Многие святые отцы говорят, что нет никого и ничего ближе нам, чем Господь. Кто-то из них даже употребляет такое сравнение: «Знаешь, как близок воздух к нашему телу? А Господь к нам еще ближе!»¹ И порой мы действительно это ощущаем, в какие-то особые моменты: иногда совершенно неожиданно, нечаянно, иногда же, наоборот, ощущение это приходит, когда мы сознательно призываем Его имя в своей скорби.

Но чаще всего мы чувствуем, что есть что-то, что нас от Бога отделяет, какое-то расстояние, какая-то преграда. И расстояние это постоянно меняется: то сокращается, то возрастает. И преграда то опускается к земле, становится, что называется, вровень с порогом, то вырастает до небес.

Что это за расстояние, что это за преграда? У кого узнать, у кого спросить? Можно у Господа спросить, а можно и у себя... Ведь мы о расстоянии и преграде многое знаем – не все, но многое, правда. Ведь и то, и другое – мы сами.

Кто-то считает, что его от Бога отделяет и удаляет мир. Но это ложь. Не мир, а наше отношение к миру, наша страстная к нему привязанность, увлеченность им, любовь к нему. Та самая любовь, ради которой мы так часто отвергаем любовь Божию.

Кто-то скажет, что отделяет и удаляет нас от Бога диавол. И это ложь. Нет у него власти над нами, не может он ни заставить нас делать что-то, Богу противное, ни удержать от того, что делать должно. А если вдруг оказывается, что властью этой он обладает, то лишь в том случае это может быть, если из наших рук он ее получил, если сами мы ему ее предали. И себя самих предали – в полном смысле этого слова.

Расстояние между нами и Господом – наши желания, Его воле противные, наша гордость, Его смирению чуждая, наша ненависть, Его любовь оскорбляющая, наша развращенность, с Его чистотой несовместимая. А преграда – грехи наши нераскаянные, не отвергнутые, но в сердце взлелеянные и тем же сердцем возлюбленные.

Милостив Господь, и потому, когда особенно нуждаемся мы в Нем, в Его близости и от близости происходящем утешении, Сам преодолевает расстояния и преграды, и чувствует Его наша душа, согревается Его теплом, просвещается Его светом. А потом... Потом мы вновь показываем – жизнью своей, словами, мыслями, чувствами, желаниями своими, – что не хотим быть с Ним, что «наше» дороже нам, чем Он. Нет, если бы нас об этом спросили, мы бы никогда так не сказали... Но так мы поступаем и так живем.

И потому есть расстояние, есть преграда и есть холод, есть одиночество, есть боль, которая изнутри уязвляет и мучает нас. Есть бессилие и от него рождающееся уныние. Есть неизвестность будущего и страх перед ним...

Все в нашем сердце и в нашей власти. Не удалиться от Господа, когда Он в очередной раз приблизился к нам. Не предпочесть Ему того, что через мгновение обернется той самой болью, тем самым страхом, холодом и одиночеством. Искать и находить в себе то, что противно Ему, что удлиняет расстояние и растит преграду, и учиться это в себе ненавидеть. А ненавидя, искоренять.

Все в нашем сердце и в нашей власти. Что мы выбираем?

---

¹ Ср.: Писания старца Силуана. Гл. 16. О монахах // *Софроний (Сахаров), архим.* Старец Силуан Афонский. – М., 1996.

Встреча с Богом

Снова наступает Сретение. Праздник встречи человека с Богом – общий для всех и вместе с тем предельно личный. Личный – для того, кто сам эту встречу пережил, чья жизнь после нее изменилась, стала принципиально иной. Личный для тех, кто ее всегда помнит. И для тех, кто о ней забыл...

Какой разной эта встреча может быть! Праведный Симеон знал заранее, что она обязательно случится, жил ее ожиданием, предощущением, сама смерть не властна была здесь: встреча должна была произойти, как открыл ему Ангел, прежде нее. И она произошла (см.: Лк 2, 25–32), самая поразительная, потрясающая каждого, кто только взглянет внимательно в нее как в событие, остановит пристальный взгляд на ее иконе. Ветхий старец встречает «Ветхого деньми, плотию младенствующего»², принимает на руки Того, Кто Сам держит все Своей всесильной десницей, именует Его, Младенца, Владыкой.

Но поразительней всего, пожалуй, одно: мгновенность узнавания. Узнавания, конечно, не очами, хоть и видевшими спасение, уготованное *пред лицом всех людей* (см.: Лк 2, 30–31), узнавания в первую очередь сердцем. Ни колебания, ни сомнения – ничего!

Разной может быть встреча... Но эта не повторится. И не только потому, что она и должна была остаться в своем роде единственной, уникальной, не переживанием отдельно взятого человека, а фактом Священной истории. И просто – истории. Она не повторится и потому, что наши «обычные» человеческие встречи с Богом совсем иные, при всей кажущейся схожести принципиально отличные от нее.

Прежде всего тем, что нет в них этого – сразу узнавания. Кажется: вот, вошел Господь в твою жизнь стремительно, мощно или, наоборот, тихо, как то самое дыхание *хлада тонка* (см.: 3 Цар 19, 12), и душа приняла, познала Его. Кажется... А на деле? Говорит Он Сам: *Се, стою у двери и стучу* (Откр 3, 20). В двери сердца нашего стучит. Как долго? Иногда годы, десятилетия, иногда целую жизнь – непрестанно, день за днем. И нередко бывает – до самого конца безрезультатно.

Мы обычно вспоминаем об этих словах Откровения, когда речь заходит о других людях, порой о тех, кто нам дорог, кого мы любим и кто никак не отворит Ему, смиренному и всемогущему Страннику. Вспоминаем и тогда, когда вообще удивляемся человеческому неверию, жестокости, способности не замечать и не чувствовать очевидного. Но реже, чем следовало бы, относим их лично к себе.

Ведь и у наших дверей не день и не два провел Господь, и мы отворили Ему далеко не сразу. Разве есть из нас кто-то, кто не прошел путем заблуждений и ошибок, пока не вступил на единый верный путь? Дети из благочестивых православных семей? А что дети? Вера их родителей далеко не сразу и не всегда становится их верой. И они должны – встретиться.

Почему не слышат и не узнают Бога многие люди? Это важно понять. Но почему не слышали Его мы, а если слышали, то отчего не впускали в свое сердце и в свою жизнь – вот что гораздо важнее. И не только потому, что надо задним числом разобраться в себе, все по полочкам разложить, чтобы ясность наступила. Мы же и сегодня можем... не слышать. И сегодня можем не отворять.

Ведь встреча не является непременным залогом всегдашнего события. Разве нам это не знакомо? Люди встречаются, сходятся так близко, что водой не разлить, одними чувствами живут, одним воздухом дышат. А потом расстаются, потому что изменилось, нарушилось что-то в их отношениях, а точнее – в них самих.

---

² См.: Миняя. Февраль, 2. Стихира на литии, на *И ныне*.

Господь не может измениться, Он всегда Любовь. Измениться и изменить можем мы, и очень часто изменяемся и изменяем Ему. И, слыша, предпочитаем не слышать и, видя, не видеть, потому что так спокойней, так легче, сподручней делать, говорить, думать то, что угодно нам и о чем наша совесть твердит, что это неудобно Ему. И так душа привыкает порой жить: Господь рядом, а она от Него далеко. И остывает, и опустошается, и теряет память о Нем – сначала живую, после же – и какую бы то ни было вообще.

А потом... Потом вдруг снова происходит встреча. Оказывается, она может быть не одна. На что похожа она? На то, что с Петром апостолом случилось, когда после всех предсказаний Христа о троекратном отречении трижды и отрекся, и пение петуха услышал, и взор Христа встретил, до глубины последней сердца проникающий. И вышел вон и плакал горько (см.: Мф 26, 69–75).

Именно это – взор Христа. Не гневный, не осуждающий, а бесконечно кроткий, милующий и сожалеющий. К первому душа готова, она подсознательно этого ждет, а ко второму – нет. Потому-то так поражает он ее.

И заставляет сначала вспомнить первую любовь, первую встречу, а затем опомниться: «Да как же могу я жить так после того, как все это было?! Как же я могу...» Так – это не обязательно в тяжких грехах, пороках и преступлениях погрязнув, а просто – не так, как надо жить с Богом, всем сердцем Его принимая и все сердце Ему отдавая.

По-разному и такая встреча происходит, по-разному и она переживается, по-разному и после нее идет дальше своим путем человек.

Но слава Богу, слава милости Его, что Он вновь и вновь Сам исходит в сретение нам, дает раз за разом возможность вернуться к Нему и все начать сначала. До тех самых пор дает, пока не придет и наш черед выдохнуть: «Ныне отпускаеши...», пока не состоится то – конечное и вместе бесконечное – Сретение.

Детская радость Рождества

Каждый церковный праздник – это, по сути, воспоминание о том, что имеет самое непосредственное отношение ко всем нам: к нашей жизни, нашему вечному спасению. Будь то праздник Господский или Богородичный или день памяти кого-то из святых – все равно это так. И потому можно еще иначе сказать: праздник – воспоминание о радости или ее источник.

Хотя, конечно, радость у каждого праздника своя, особая, отличная от прочих. И переживаем и чувствуем ее мы тоже все по-разному – в зависимости от устройства своего, от состояния душевного, от обстоятельств жизненных. И бывает иногда даже, что и не чувствуем – настолько дебело и бесчувственно наше сердце. Или, наоборот, чувственно и взыскует радостей не духовных, а земных. Или же так задавлено оно заботами и тяготами житейскими, удручено и измучено скорбями.

Но радость Рождества... Она подчас способна пробиться и в самое закрытое сердце, согреть и оживить его.

Нет, кажется, ничего, что лучше раскрывало бы суть, внутреннее содержание праздника, нежели церковное богослужение. Слова канонов и стихир, тропарей и кондаков проливают дивный свет и тепло в душу внимающего тому, что читается и поется за службой. Ум объемлет их и передает сердцу, и там они распускаются, словно бутоны каких-то дивных, прекрасных цветов.

Так должно быть в идеале и порой так бывает на самом деле. Но все мы знаем, что не всегда, отнюдь не всегда. Разве редкость – когда мы стоим на ночной рождественской службе, едва живые от усталости, сонные, потому что выспаться не удалось, голодные, потому что постились сорок дней, и боремся со всем этим: усталостью, голодом, сном? И храм, в который мы пришли, возможно, «не наш», а просто тот, который ближе к дому, и хор, может быть, поет не так, чтобы каждую стихирю мы могли понять, и чтец читает тихо и невнятно. А в сердце все равно проникает капля за каплей, лучик за лучиком радость. Словно солнце всходит...

Почему?

Я очень хорошо помню ту первую рождественскую службу, которую решил отстоять двадцать с лишним лет тому назад. Отстоять – именно так. Я вообще еще тогда не понимал, что такое служба. Я не знал толком, что такое Церковь. Не прочел от начала до конца ни одной духовной книги, кроме Евангелия. Церковно-славянский язык представлялся мне на слух какой-то китайской грамотой, и проще казалось именно этой грамотой овладеть, чем проникнуть в смысл звучащих песнопений. Но я все равно пришел той холодной ночью в храм и стоял там – в таком многолюдстве, такой тесноте, что мне уже не нужно было объяснять, почему верующие во Христа суть одно единое тело... И я был счастлив. Не оттого, что кончился первый в жизни пост, не оттого, что подходила к концу непривычно долгая для меня служба, и не от сознания, что я «выстоял». А просто счастлив – какой-то детской, чистой радостью, той, благодаря которой и сам становишься ребенком и начинаешь надеяться, что, как ты ни плох, Царство – оно и для тебя...

Почему?

Я помню и другое. Я жил уже в монастыре и, конечно, знал о Церкви гораздо больше. Я читал святых отцов. Утром и вечером был на службе, изучал богослужебный устав, чтобы не путаться в ней и не ошибаться. Если чего-то не мог разобрать из певшегося или читавшегося, то сам вчитывался в непонятые на слух строки из Минеи или Триоди. Была зима. Позади уже остались и Рождество, и святки, и Богоявление. И я получил письмо. Оно было из армии, от моего близкого друга. Ему там не было просто – как и обычно непросто молодому человеку в армии. Но еще в большей степени непросто ему было из-за того, что его еще совсем молодая

вера подвергалась в армии испытаниям, а рядом не было никого, кто бы мог поддержать, что-то подсказать, наставить. Душа мучилась от этого, страдала. Он унывал.

Пришло время поста. Поститься возможности не было. Бывать на службах, исповедоваться и причащаться – тем более. От всего этого и от внутренних, лишь Божьему взору открытых переживаний мой друг чувствовал себя хуже некуда. И главное – чувствовал, насколько он далек от Бога. И ощущал себя, наверное, чем-то вроде хлева. Только не того, где появился на свет Богомладенец, а простого.

Наступила ночь Рождества. Такая же для той воинской части, где он служил, ничем не отличающаяся от прочих. Разве что для него она была особенной – особенно скорбной. Он сидел один и думал. Обо всем – о жизни, о службе, о том, как немощен еще в своей вере.

И вдруг – в эту ночь, в это одиночество точно пролился свет.

«Я неожиданно почувствовал, – писал он в письме, – сильно, всем сердцем: в мир пришел Господь. И ко всем пришел, и ко мне. И несмотря ни на что, мне стало так хорошо...»

Это и есть радость Рождества. Похожая на радость путника, отчаявшегося пробиться сквозь метель, но вдруг нашедшего кров. На радость умирающего, нечаянно возвратившегося к жизни. На радость ребенка, который думал, что он сирота, но нет, есть у него отец и мать. Просто – на радость ребенка.

Словно младенец на руках у Младенца

Для современного человека можно найти много определений, свидетельствующих о его характерных признаках. И каждое из них поможет хотя бы отчасти понять его. Или, точнее, самого себя. Но сейчас, при взгляде на икону Рождества Христова, мне на ум приходит одно, чудно звучащее, но от того не менее верное: «человек защищающийся».

Жизнь полна самых различных угроз. Хорошую работу трудно найти и очень легко потерять – из-за предвзятости начальника, зависти и недоброжелательства коллег, просто из-за сокращения штата. Так же легко оказаться обманутым – при заключении сделки, продаже квартиры, покупке туристической путевки. Переходя дорогу или садясь за руль, ты не знаешь, не несется ли тебе навстречу либо наперерез очередной ускользнувший из рук сотрудников ГИБДД смертник с зашкаливающим содержанием алкоголя в крови. И когда эти же самые сотрудники ГИБДД останавливают тебя, ты тоже не можешь быть уверен в том, что сейчас тебе не расскажут о тебе же самом того, что далеко от истины, но близко к лишению прав. А если ты едешь не на личном автотранспорте, а на метро, то вагон легко может стать для тебя местом схватки – дай Бог, чтобы не последней, как для некоторых.

Жизнь не случайно полна этих угроз. Она неблагоприятна и оттого так агрессивна. И приходится жить в состоянии готовности к этой агрессии, приходится защищаться. Этот «синдром защиты» здорово меняет нас и наше отношение к реальности. То, чего бы мы не позволили себе ни в каком другом случае, становится возможным, если мы защищаемся. Готовые дать кому бы то ни было отпор, мы живем в непрестанном напряжении. И беда тут не в том, что мы от этого устаем, мы – меняемся. Становимся либо слабее и малодушной, либо, наоборот, жестче и холодней. И жестче и холодней становится наше сердце. Оно закрывается – от угрожающей жизни, от угрожающих людей и от не угрожающего Бога.

Я думаю об этом, глядя на икону с изображением Богомладенца, потому что меня вдруг поражает то, насколько Он беззащитен. Не по природе, не по существу Своему, а по произволению.

Мы боимся зачастую того, что может быть и чего на самом деле нет. А Он знает все – и в мире, и в сердце каждого человека, до последней, сокровеннейшей глубины. Он знает, за что и до какой степени возненавидит Его мир и люди, этому миру всецело преданные. Он знает, как Его будут гнать, преследовать, знает, что Его предадут смерти – мучительной и страшной. И все равно решается прийти в этот мир, стать Младенцем – слабым, немощным, таким уязвимым, хрупким, таким беззащитным. Беззащитным бесконечно. Потому что в конце концов не останется никакой защиты, никакого покрова и двенадцать легионов ангелов не придут Ему на помощь (см.: Мф 26, 53), и Он скажет в последние мгновения Своей земной жизни: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф 27, 46).

Зачем эта беззащитность – такая всецелая и оттого пугающая, которой совсем не хочется подражать, от которой скорее есть желание зажмуриться и не видеть ее? Какова ее цель? Ведь она должна быть...

И она есть.

Если бы Господь защищался, то эта защита встала бы между Ним и Его творением – какова бы она ни была: те самые ангельские легионы или огонь с небес, которого требовали Его ученики (см.: Лк 9, 54), или просто – Его всемогущество, Его непреодолимая сила. А Он не хотел полагать препятствий Своей любви – никаких. Поэтому и зашел в ней так далеко, как зайти мог лишь Бог.

Я снова смотрю на икону Рождества и понимаю: как бы ни было страшно в этой жизни, как бы ни хотелось быть сильным и защищенным, лишь тогда ты сможешь приблизиться к Богу, когда решишься на беззащитность. И чем беззащитней будешь этим волевым решением, тем

ближе ко Христу, тем меньше препятствий останется между Ним и тобой. Тех препятствий, из которых главное – твое ожесточенное и вечно защищающееся сердце. Отказаться от всех опор, защит, уподобиться листку на водной поверхности, который течение несет, куда ему угодно, – течение воли Божией. От всего упраздниться в надежде на Него одного. Это трудно, это даже кажется невозможным... И было бы невозможным, если бы Он не пришел к нам и не показал – как это может и как должно быть. Но Он и пришел, и показал, и того же ждет от Своих учеников, чтобы хотя бы в нас пресеклась, распалась цепь той вражды, которая непрестанно сотрясает человечество, чтобы хотя бы мы оказались орудиями мира и любви здесь – на земле.

Когда ты беззащитен ради Христа, тогда ты похож на Него. Ты родной Ему. Ты – словно младенец на руках у Того, Кто стал когда-то Младенцем ради тебя.

С надеждой на Встречу

Время от времени в жизни каждого из нас бывает, наверное, момент, когда хочется оглянуться и подвести некоторые итоги, дать, по крайней мере, самому себе отчет: что успел ты в жизни хорошего и важного сделать. Или хотя бы так: что с нами в жизни важного, хорошего произошло? И вот вроде бы уже прожито и сделано что-то – и то, и это, и что-то еще... А чем похвалиться, не знаешь – нечем. И в том какой-то недостаток, и в этом изъян, и еще что-то – совсем никуда не годится. Что же до происходившего... Много происходило, но что из этого выделить, что на первое место поставить, не всегда сразу поймешь: одно с другим спорит, соревнуется, соперничает. Впрочем, нет, есть то, с чем ничего в ряд не станет. Встреча. Самая главная в жизни. Решающая. Поворотная. Встреча с Богом. Наш собственный праздник Сретения. Мы можем не помнить его дату, не иметь его иконы, запомнить какие-то связанные с ним обстоятельства. И все равно – если этот день был, если Встреча состоялась, то все не зря: есть точка, от которой наша жизнь может уже не развиваться по горизонтали, а превратиться в вертикаль, когда время соприкасается с вечностью, а сама вечность приоткрывается для нас.

Когда я думаю об этой встрече, меня всегда переполняют два очень сильных, противоречивых чувства.

Первое – радость. Я понимаю, что ничем этой милости Божией не заслужил, но, тем не менее, сподобился. И ею – живу.

Второе – скорбь. Скорбь о тех людях, которые встречи с Богом не пережили: о тех, кого я знаю очень мало, в большей степени – о тех, кто мне знаком, еще более – о тех, кто мне близок и дорог. Здесь – особая боль... Я смотрю на них, и мне страшно – за них и вместе с тем за себя. За них – потому что без Бога нет жизни, есть только постепенно надвигающаяся, неотвратимая смерть. За себя – потому что, глядя на них, я думаю: «Ведь и я мог бы, как они, по-прежнему существовать в этой не имеющей подлинного наполнения и смысла пустоте, каковой является без Бога человеческое бытие!»

Я не ищу объяснения тому, что приносит мне эту нечаянную в полном смысле слова радость, – я просто благодарю за нее.

Но я не могу не искать объяснения тому, что доставляет скорбь... И я ищу. Точнее – искал.

Может ли быть так, чтобы Господь прошел мимо кого-то? Чтобы кто-то «выпал» из поля Его зрения, милосердия, любви? Мыслимое ли это дело? Нет. Как всех Он один сотворил, так всех и любит, ради всех на землю пришел, ради всех распятие и смерть претерпел. Всем дал возможность спасения и вечной, беспечальной, наполненной неизреченным светом жизни. Нет такого сердца, в которое бы не стучался, как смиренный, кроткий странник, Бог. В одно – радостью, в другое – скорбью, в третье – чьим-то словом, а в общем – всей жизнью, всем, что есть только в ней. Вот только чье-то сердце открылось и впустило Его, а чье-то так и пребыло закрытым на бесчисленные засовы и замки.

Как понять, почему? Тайна это. Тайна сердца человеческого. Приличные, порядочные люди, хорошие мужья, верные жены, замечательные руководители, исполнительные работники нередко могут оставаться безбожниками всю свою жизнь, совершенно не интересуясь Тем, Кто дал им дар этой жизни, призвал от небытия к бытию и в бытии этом сохраняет. А разбойники, воры, блудники и блудницы, всеми презираемые и пренебрегаемые, уязвляются вдруг Божией любовью и оставляют недостойное свое житие, исправляются, очищаются, освящаются... Что это, как не тайна, ведомая лишь для Того, Кто сотворил сердца человеческие (см.: Пс 32, 15)?

Только Дух Святой проникает все глубины наших сердец. И Он же открывает порой избранныкам Своим то, чем делятся они с нами. Один из угодников Божиих, наделенных дивным даром рассуждения, наш соотечественник святитель Феофан Затворник пишет в своих

«Мыслях на каждый день года» о том, что, с его точки зрения, является главным для понимания этой тайны. Если ищет человек, говорит этот святой, не удовлетворения своих страстей и желаний, не выгоды, не славы от людей, а истины, то обязательно найдет Христа. Ибо Он и есть Истина.

Как же это точно, и сколько подтверждений находим мы сему в окружающей нас жизни! Искал Истину, стремился к Ней *фарисей, сын фарисея* (Деян 23, 6) и встретил Ее на дороге в Дамаск, где думал преследовать и гнать Ее служителей, и сам стал самым ревностным из них. Не искал Истины Пилат, не нуждался в Ней и не узнал, когда стояла Она перед ним в Своем смиренном облике земном, и только вопрошал иронично и горько: *Что есть истина?* (Ин 18, 38), подразумевая, что много истин и в то же время – ни одной подлинной.

Может ли такое объяснение утешить и успокоить нас, когда речь идет о наших друзьях, родных, о тех, кого мы любим? Когда эта их встреча с Богом все откладывается и откладывается и есть риск, что она так и не состоится? Не всегда... Но объяснение это не дает нам роптать на Бога, не позволяет считать Его пристрастным и несправедливым, сообщает ту ясность, которая так необходима.

И, что еще важнее, всегда оставляет место для надежды: если мы находим, за что человека любить, мы – такие скупые на любовь, такие эгоистичные, узкосердечные, то неужели Его благодать не найдет, к чему привиться в его сердце, что побудит в нем к отклику? Просто не надо требовать от Бога сегодня того, что должно произойти завтра, или через год, или много лет спустя. Человек, как плод для стола, должен созреть для встречи со Христом – откуда нам знать день и час этой зрелости, ее меру?

Есть у меня, например, друг, который верит в Бога, молится Ему, на Него уповает, в Нем находит для себя зачастую единственную помощь и поддержку. Но при этом верит по-своему, отрицая и Церковь, и христианство как таковое. А как начнет объяснять, что и как он понимает, так единственной религией, на которую это похоже, оказывается христианство. Скажешь ему – сердится, ворчит... Переживаю за него, спорить с ним не хочу. И понимаю, что в конечном итоге остается лишь одно – молиться. Потому что если он, как мне кажется, так близок ко Христу, что только шаг сделать надо, то, возможно, моя молитва его ровно на этот шаг вперед подтолкнет? А может, и не на один только шаг? А может, и не только моя?

И опять же – вспоминаю свою встречу, какой была она. Много можно о ней сказать, но главное – была она неожиданной, ни за день, ни за час, ни за мгновение никто бы и не предсказал ее, кроме Того, Кто, в отличие от меня, ее ждал. Такой же была она для многих из тех людей, которых довелось мне в жизни знать и за которых мое сердце уже не болит. Такой же, уповаю, будет для тех, за кого тревожусь и молюсь сегодня. С этой надеждой – на их Встречу – и живу.

Место встречи – Крест

Человек всегда одинок. Одинок потому, что никто и никогда не поймет его до конца. Не будет с ним каждое мгновение его жизни. Не пройдет рядом каждый метр пути. Иногда мы ощущаем это с особенной ясностью и силой. Иногда начисто об этом забываем – так вдруг все в жизни становится хорошо и так вокруг много близких, родных людей. Но забываем лишь для того, чтобы вспомнить. И пост, особенно Великий, – то время, когда вспоминаем, волей или не волей. Враг ведь не оставит нас без своей помощи и участия. Даже если мы сами будем предельно нерадивы, ленивы, малоподвижны, он с готовностью предложит нам все потребное к подвигу: искушения и скорби. И сбудутся вновь слова преподобного Макария Египетского, утверждающего, что неизменно «содействует злое благому намерением неблагим»³.

Нуждаемся ли мы в том, чтобы разделить с кем-то радость, которую посылает нам Господь? Если мы не эгоисты до какой-то самой последней меры, то да, разумеется, нуждаемся, как не нуждаться! Но насколько велика эта нужда, насколько остро мы ее ощущаем? Если радость останется лишь нашей и больше ничьей, она немного померкнет, потускнеет, но что-то от нее да сохранится. Что-то утешающее и ласкающее душу.

Другое дело – скорбь. Вот тут точно есть необходимость в поддерживающем, подкрепляющем, а главное – в том, кто именно разделит ее с нами, то есть возьмет на себя какую-то часть ее тяжести, облегчит для нас нашу ношу. Кто? Те же близкие, родные люди? Пусть они будут поблизости, пусть сочувствуют, сопереживают нам. Пусть помогают, утешают... Спасибо им за это! Но где скорбь? Только в обстоятельствах, в каких-то событиях заключена она? Нет. Она глубоко в нашем сердце. Так глубоко, что не сойдет туда, в эту бездну, в этот личный, земной, временный ад с нами никто. Никто, кроме Того, Кто сходил в ад настоящий.

И получается, что Крест – не только орудие нашего спасения, не только святыня, перед которой мы благоговейно преклоняем колени. Это еще и место встречи с Богом. И нигде, ни в одной иной точке не бывает она настолько непосредственной, настолько удивительной, нигде и никак больше не достигается такая близость.

«Днесь Неприкосновенный существом прикосновен мне бывает...»⁴. *Днесь* – когда распинается за нас. Но *днесь* – и когда мы распинаемся, не за Него пусть даже, а хотя бы с памятью о Нем и с доверием Ему.

Почему? Неужели в награду за терпение, за мужество, за самоотверженность? И неужели это все есть у нас? Какая награда, если все эти кресты мы сами, своими руками мастерим! Сколачиваем их, когда строим свое личное счастье так, как его сами понимаем, когда пытаемся обойти Необходимого, когда искренне верим, что нарушение Его заповеди – обязательное условие достижения поставленной нами перед собой цели.

Нет, не о заслугах и наградах тут речь. Просто перед крестом отступает многое из того, что обычно мешает. Отступает надежда на кого-либо: ты один на нем. Если кто-то и стоит при подножии, то ведь это лишь твои руки и ноги прибиты к его перекладинам и твое ребро прободает копье уныния и отчаяния. Отступает упование на свои собственные силы: их больше нет, то, что казалось силой, растаяло, стекло и впиталось в землю. Отступают намерения, планы, желания и стремления: уже не до них...

Есть ты – и Муж скорбей, изведавший болезни. Он знает о твоей скорби и болезни все – так, как не знаешь этого и ты сам. Твоя скорбь – крошечная, глазом неразличимая, только сердцем ощущаемая частичка одной всеобъемлющей скорби, Им за тебя и за всех людей подь-

---

³ Ср.: *Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы, послание и слова. – М.: Отчий дом, 2013. – Слово 4. Гл. 6.

⁴ См.: Служба на праздник Воздвижения Креста Господня. Великая вечерня.

ятой. На Кресте, на Голгофе. И ты – в Его сердце. Только бы и Он был в твоём. Он этого желает. А ты?

Ведь ты все равно можешь от Него отгородиться, закрыться от Его любви – ропотом, ожесточением, злобой. Неверием, наконец.

Можешь не сказать: «Достойное по делом моим приемлю» (см.: Лк 23, 41), а повторять, бессмысленно тряся головой: «За что? За что?! Почему я?!»

Есть за что. Этих «за что» так много, что и не перечислишь всех. И странно, что ты сам их не помнишь. Это беспамятство тоже – из «за что». И «почему» есть. И «для чего». И это все важно понять, смирившись, отдавшись, положившись на Его волю и милость.

Но еще важней, опять же, одно: здесь – место Встречи. Той, которую нельзя пропустить.

Источник жизни вечной и нестареемой

– И еще, батюшка, я очень постарела...

Я смотрю на стоящую у аналоя женщину и ожидаю продолжения. Это ведь не грех, кажется, стареть, это естественно. Другое дело, если неумеренно переживает человек по этому поводу, молодится изо всех сил, поступки совершает, его возрасту не приличествующие. Или если старение это нездоровым образом жизни обусловлено.

Но женщина молчит, задумавшись и, очевидно, загрузив.

Прерываю ход ее мыслей:

– Ну а что греховного-то в этом? Время идет, все мы не молодеем...

Она словно просыпается и вскидывается:

– Да нет! Я не об этом. Я душой постарела. Сильно!

И вот тут я ее понимаю...

Отчего стареет душа? И в чем выражается это старение, какие у него признаки, кроме внешних – погасшего, невыразительного взгляда, опущенных уголков рта, ссутуленных плеч? Когда стареет тело, то тут все ясно: появляется одышка, покалывает сердце, суставы теряют подвижность, волосы седеют, кожа желтеет, сохнет.

А душа? Мы помним, как в детстве, юности познавали этот мир... Удивлялись ему, радовались каким-то мелочам, смешным пустякам, постоянно ждали чего-то хорошего, светлого, счастья. Просто – ждали. Совершали открытия – и отрадные, и прискорбные, но чувствовали себя при этом все богаче, все шире. А потом?

Об этом «потом» и говорит стоящая передо мной прихожанка.

– Все стало серым, скучным, пустым каким-то. И я сама – такой же. Мне ничего не интересно, кажется, что больше никогда уже не будет чего-то хорошего, жизнь кончилась. Она и правда кончилась, теперь только доживать?

– Нет, неправда.

Но может и правдой стать.

Мне так близко все то, о чем она говорит. И я так ей на самом деле благодарен! И мне знакомо это старение, это ощущение того, что жизнь уже кончилась и ничего больше не будет. Однажды я это переживал, дважды, трижды? Многожды!..

И точно скажу – когда. И почему.

Точно – не по времени, по обстоятельствам. Тогда, когда поглощала меня эта жизнь с ее заботами, прискорбностями, когда отягощалось мое сердце *печальми житейскими* (см.: Лк 8, 5–15), когда прибывали они меня к земле, когда и сам я потому становился землей. Когда, без меры отягощенный всем этим, забывал я о Боге... Или иначе – когда память о Нем переставала быть живой, когда она становилась «просто» памятью.

Но сколько же раз и другое было! Сколько раз сбывалось это чудное, не заслуженное никак обетование: *обновится яко орля юность твоя* (Пс 102, 5)! Сбывалось, когда хватало сил, решимости сказать всему окружающему: «Подожди!» И словно забыть о нем, обратившись к Тому, в Чьих руках все. И не потому обратившись, что нужно со всем этим «забытым» разобраться, по полочкам его разложить, а потому, что душа по Нему соскучилась, исстрадалась, к Нему наконец устремилась.

Устремилась и – разом помолодела! словно не было ничего – ни разочарований, ни утраченных иллюзий, ни пережитых предательств, словно сердце от боли, несправедливости, жестокости мира не покрывалось прежде защитным панцирем, коркой, не делалось бесчувственным, холодным – только бы больше не страдать!

И вернулось это удивительное чувство – ты ребенок. Тот самый, один из тех, кому Царство Небесное обещано. А как иначе можно себя ощущать, когда ты снова рядом с Отцом?

Ведь мы стареем вдали от Него, а стоит приблизиться к Нему, и снова – дети. К Нему... К Тому, Кто обещал ученикам и последователям Своим вечную жизнь. Вечную и нестареющую.

Одно из имен Его – Утешитель

Период пения Цветной Триоди очень насыщенный – не так, как Триоди Постной, но по-своему, иначе. Сначала – ощущение пребывающей в наших сердцах пасхальной радости, потом Вознесение, в котором и расставание, и пребывание с нами *во все дни до скончания века* (Мф 28, 20), затем – ожидание исполнения обетования об *облечении силою свыше* (см.: Лк 24, 49). И при этом какое-то неуловимое, до конца не понятное скучание. Только когда раздается наконец за всенощной в субботу вечером «Царю Небесный, Утешителю...», когда подхватывает знакомые, такие родные слова весь храм, становится вдруг ясно – вот по чему скучала душа: по этой молитве. По утешению. По нему она на самом деле всегда скучает.

Многое должно нас утешать. Наша вера. Любовь Божия. Молитва как таковая. Чтение Священного Писания. Причащение Святых Христовых Таин. Должно. Но, положа руку на сердце, разве редко бывает так, что мы привыкаем? К вере. К тому, что Господь нас любит. Молимся, читаем Евангелие и святых отцов так же привычно. Так же привычно причащаемся. Человек такое чудное существо: может привыкнуть ко всему. Привыкает к плохому и уже не так им тяготится. Привыкает к хорошему и перестает радоваться и благодарить. И живет очень часто вот так – по привычке, по инерции. И то, что должно быть содержанием бытия, становится фоном.

Но рано или поздно Господь попускает встряску, искушение – внешнее, когда уязвляют и ранят нас какие-то заставляющие испытывать скорбь обстоятельства. Или незаметное глазу постороннему, но изнутри буквально съедающее наше сердце. Тоска, печаль, уныние, доходящее до отчаяния, – кто их из нас, верующих, казалось бы, людей, никогда не испытывал?

И кому не приходилось искать в таком положении и состоянии утешение – в близких людях, в увеселениях, во внешних предметах, в приобретениях каких-то? И нельзя ведь сказать, что эти вещественные утешения (если только не сопряжены они с чем-то откровенно греховным) незаконны, что права у нас на них нет. Ведь даже в церковной, более того, монашеской традиции утешением подчас именуется самое что ни на есть материальное – пища: «на трапезе братии велие утешение»⁵. Все правильно, законно, вот только... Только не утешает!

Нет, утешает, конечно, когда не скорбишь всерьез, а так, взгрустнулось. Но если по-настоящему плохо и тяжело, то не работает! Не помогают тогда ни шопинг-терапия, ни посиделки в кафе, ни чай с друзьями. Вроде бы и вещи купишь такие хорошие, нужные, да помотришь и сам скажешь себе: «Ну и зачем?» И люди рядом будут близкие, неравнодушные, сочувствующие, а окажется, что нет, не понимают они тебя, и даже обидишься на них... И хочется пятый угол искать или на стенку лезть и по потолку бегать... Да только и это бы не помогло, если бы даже получалось.

Это естественно все, нормально. Так, отнимая от нас всякую радость и сладость, сокрытую в земном, напоминает Царь Небесный нам, христианам, что одно у нас на самом деле утешение – Он. Потому и одно из имен Его – Утешитель.

Такая простая мысль! И так трудно доходим мы до нее подчас! И она потом, уже будучи воспринята вполне умом, не скоро порой передается сердцу. Мы делаем рывок вперед, уже ждем: сейчас, сейчас мы наконец успокоимся, душа исцелится... Но не так это оказывается просто. Почему? Та же привычка виной – жить «христианской жизнью» между делами, между прочим, коего так много и так оно разнообразно. И кажется, не пробьешься сквозь него, завязнешь, не пропустит все это тебя. Да и не надо на самом деле пробиваться. Надо просто оставить все это за спиной, упраздниться от него, забыть о нем – хоть ненадолго, на время, которое нужно душе, чтобы вспомнить по-настоящему, всем существом своим о Том Единственном,

⁵ См. указания в Типиконе. – *Примеч. ред.*

Который подлинно есть. Почувствовать, что, кроме Него, все бессмысленно, суетно, пусто. Или, если так понятней, то не кроме, а без. И только с Ним все обретает смысл и цельность – тогда, когда не мы тянемся за чем-то, а когда он Сам дает это нам.

Познаешь опытом истину эту – и почувствуешь свободу. Ту, ни с чем не сравнимую, которую лишь Дух Истины и подает, ведь где Он, там свобода (см.: 2 Кор 3, 17), а где противятся Ему или, еще страшней, не замечают Его, там всяческое рабство, зависимость, плен.

Какой же кроткий и смиренный Он! «Везде Сый и вся исполняй». И все содержит и властвуя всем, Он и правда позволяет нам Его не замечать... Напоминает о Себе тихо, тонко, удивительно деликатно – *дыханием хлада тонка* (ср.: 3 Цар 19, 12). И очень редко дыханием огненным, бурей – лишь тогда, когда мы уже готовы к отклику всецело и нужно нас только чуть-чуть подтолкнуть. Или когда, наоборот, настолько бесчувственны, что ничем другим нас не пробудить.

И стоит откликнуться, как познается это дивное «Сокровище благих». Сокровище – в смысле величайшей, не сравнимой ни с чем ценности Своей. И Сокровище потому, что сокровенно оно – от мудрых и разумных, а дается лишь младенцам (см.: Мф 11, 25).

И жили мы вроде до этой поры, но вот ощутили такую жизнь, что поняли: то, что было прежде, – какой-то сон, забытье, и только эта – настоящая, бессмертная и бесконечная, как и ее Податель, неместимый всем созданным Им миром, но приходящий и вселяющийся в нас, в эти глиняные, такие хрупкие и смиренные, огнем благодати Его обожженные сосуды.

Обожженные... Потому что как иначе очистить от всякой скверны? Огонь. Сначала великий – любви и ревности Божественной Его. Потом малый, едва затеплившийся – нашей к Нему любви.

В этом отклике – любви на любовь, свободном, не вынужденном, естественном и неожиданно простом – угадывается, узнается вдруг то, чего мы так ищем, так просим, так жаждем и в чем отчаиваемся иногда... Спасение наших душ.

Он являет нам все это, когда мы этого действительно ищем – не по заслугам, не по подвигам, не по трудам нашим, а только по одной благодати Своей. И этим явлением, опытом, знанием подлинно живы мы. И потому так дороги нам эти удивительные слова: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...» – и когда ощущаем мы вполне силу их, и когда сами бессильны, но силы Его взыскуем. И когда утешения требуем. То есть когда нуждаемся в нем.

Будет счастье

«Жизнь не задалась... Все не так! Вот другие... Почему у них все получается, все планы реализуются, все спорится? Чем хуже я, чем лучше они? Отчего все так несправедливо? Почему Господь мне не помогает?»

Знакомые вопросы? Часто приходится их слышать? А отвечать на них? А самому задавать?.. Не вслух, может быть, про себя только. Но случается ведь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.